Андрей БРОННИКОВ

«СТРОКИ ДЛЯ ОЛЬГИ» ЭЗРЫ ПАУНДА

Аннотация: Настоящая работа знакомит читателя с последними стихотворениями Эзры Паунда, посвященными Ольге Радж. Эти стихи были написаны в 1962–1972 гг. и впервые опубликованы в 2002 г. в сборнике «Посмертные кантос» (*Canti Postumi*) под редакцией итальянского поэта и исследователя Массимо Бачигалупо, а позже переизданы в издательстве “Carc Janet” в сборнике *Posthumous Cantos*. В статье приводятся комментарии к текстам и обсуждается стилистика незаконченной поэмы *The Cantos of Ezra Pound*. Делается предположение о возможном финале поэмы, который мог быть создан в жанре лирического произведения. Подобная концовка, будь она сделана Эзрой Паундом, выявила бы новые аллюзии и смыслы модернистского эпоса и усилила понимание поэмы как лирико-философского дневника, отразившего экзистенциальный опыт человека XX столетия. В статье также приводятся биографические сведения об Ольге Радж. Автор выражает признательность Мэри де Ракевилл за гостеприимство и беседы о жизни и творчестве ее родителей, а также итальянскому поэту, переводчику и исследователю Массимо Бачигалупо за общение и советы. Приложение к статье – первый перевод на русский язык стихотворений, которые раскрывают мир позднего Паунда и его отношения с Ольгой Радж. Права на издание перевода согласованы с издательством “Carc Janet”. Автор и редакция журнала благодарят поэта и издателя Майкла Шмидта за содействие и поддержку.

Ключевые слова: Эзра Паунд, Ольга Радж, литературный модернизм, «Посмертные кантос».

© 2019 Андрей Витальевич Бронников (поэт и переводчик, Амстердам, Нидерланды) a.bronnikov@roots-of-time.com

Andrei BRONNIKOV

LINES FOR OLGA BY EZRA POUND

Abstract: This work presents to the Russian reader a translation of Ezra Pound's poems devoted to Olga Rudge. The poems written in 1962–1972 first appeared in the 2002 collection *Canti Postumi* (ed. Massimo Bacigalupo), and later were published by Carcanet publishing house (*Posthumous Cantos*). The paper contains commentaries of texts and discusses a would-be ending to the unfinished poem *The Cantos of Ezra Pound*. A conjecture is made that the poem's ending could have been written in the style of a lyrical poetic work. Such an ending could have revealed new allusions and meanings of the modernist epic and could help to understand *The Cantos* as a private diary reflecting the existential experience of the 20th-century man. The paper contains a biographical sketch of Olga Rudge. The author expresses his gratitude to Mary de Rakewiltz for her hospitality and conversations on life and work of her parents, and to the Italian poet, translator, and scholar Massimo Bacigalupo for his advice. The presented translation is the first attempt to render into Russian the texts that introduce the reader to the world of Pound in his late years and his relationship with Olga Rudge. The publication rights have been cleared with the Carcanet publishing company. The author and the editorial board express their sincere gratitude to the poet and publisher Michael Schmidt for his support.

Keywords: Ezra Pound, Olga Rudge, Anglo-American modernism, *Posthumous Cantos*.

© 2019 Andrei V. Bronnikov (poet and translator, Amsterdam, Netherlands) a.bronnikov@roots-of-time.com

Эпическая поэма *The Cantos of Ezra Pound*, которую Эзра Паунд создавал на протяжении нескольких десятков лет, считается незавершенной. Но бывает ли завершение у эпоса? И если да, то какое? А у модернистского эпоса, неспешное течение которого совпадает с течением самой жизни? Во всяком случае, традиционный эпос имеет вполне определенные стилистические границы, отличающие его, например, от лирической поэзии. Такие границы легко угадать в тексте паундовской поэмы, которая может считаться вполне законченной на главе «Престолы» – последнем из разделов поэмы, несущих в себе энергию и пафос эпического повествования¹. И все же можно только гадать о том, каким видел завершение своего титанического труда сам автор. После освобождения из заточения в американской клинике и по возвращении в Италию Паунд в течение полутора лет продолжал работать над новым разделом поэмы. Эта работа так и не была закончена, а некоторые из сохранившихся черновиков и фрагментов текста были опубликованы в посмертных изданиях². Примечательно, что стилистика поздних паундовских текстов отличается от остального текста поэмы – она ближе к лирическому произведению. Центральное место здесь занимают фрагменты, созданные в 1962–1972 гг. и посвященные Ольге Радж. Известно, что в 1966 г. Паунд отправил Джеймсу Лафлину один из подобных текстов с просьбой использовать его в последующих

¹ Такая трактовка композиции была продемонстрирована в недавно вышедшем полном переводе поэмы (*Паунд Э. Кантос* / Пер., вступ. ст. и коммент. А.В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018), в котором основной текст завершается разделом «Престолы», а «Черновики и фрагменты» вынесены в Приложения. Это издание содержит ряд других особенностей, а именно – в него не вошли «Итальянские песни LXXII-LXXIII», никогда не публиковавшиеся в тексте поэмы при жизни автора. Попутно заметим еще один момент, уже привлечший внимание критиков: транслитерацию названия поэмы, которое в переводе должно звучать как «Песни Эзры Паунда». Существуют две переводческих традиции – так, например, в итальянских и испанских переводах паундовской поэмы принят буквальный перевод названия, в то время как в немецком и французском переводах была использована транслитерация (*Die Cantos* и *Les Cantos*) с отдельным указанием имени автора. Для русского перевода был выбран подход, использованный немецкими и французскими издателями и переводчиками.

² За подробными биографическими сведениями, так же как и за переводами основного текста, черновиков, фрагментов и комментариями к ним, мы отсылаем читателя к изданию *Паунд Э. Кантос*. СПб.: Наука, 2018. Источником по истории публикации поздних паундовских текстов может служить монография Stoicheff, P. *The Hall of Mirrors: "Drafts and Fragments" and the End of Ezra Pound's Cantos*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1995, а также статья Bush, R. "Unstill, Ever Turning": The Composition of Ezra Pound's 'Drafts & Fragments'." *Ezra Pound and Europe*, eds. R. Taylor, C. Melchior. Amsterdam: Rodopi, 1993: 223–241.

изданиях поэмы. Лафлин выполнил эту просьбу, помещая этот фрагмент 1966 г. в качестве заключительных строк во всех переизданиях «Кантос» с 1979 г. Этот фрагмент в нашем переводе, опубликованном ранее издательством «Наука», звучит так:

Ее дела,
дела Ольги,

ее прекрасные
дела останутся в памяти.

Ее имя: Мужество
и оно пишется: OLGA

Эти строки – для самой
последней моей ПЕСНИ

Чего бы там еще не сочинил я
в промежутке.

[24 августа 1966 г.]

Есть что-то поразительное в том, что задуманный Паундом гигантский эпос, вместивший в себя историю всего человечества, должен был закончиться на простых, как эпитафия, и трепетных, как строки Сапфо, словах. Многоголосый паундовский хор замирает на высокой лирической ноте. Если бы Паунду удалось доделать этот раздел в соответствующей стилистике, то это могло бы отбросить особый ответ на замысел и построение всей поэмы, открывая возможности новых интерпретаций этого центрального поэтического произведения XX века. Но, к сожалению, этого не произошло. Поздние тексты Паунда так и остались в виде разрозненных фрагментов и черновиков. Настоящая публикация частично восполняет этот пробел, представляя читателю перевод нескольких стихов Паунда, объединенных их первым издателем Массимо Бачигалупо в мини-цикл под названием «Строки для Ольги» (*Lines for Olga*).

Ольга Радж (1895-1996).
Beinecke Rare book and manuscript
library. Olga Rudge papers
(YCAL MSS 54)

В русской литературе Ольга Радж известна как собеседник Иосифа Бродского, в венецианскую квартиру которой он был приглашен в обществе своей хорошей знакомой, нью-йоркского критика Сьюзен Зонтаг. Об этом Бродский написал в своем эссе “Watermark”, изданном в России под названием «Набережная неисцелимых». Эссе Бродского, написанное, на наш взгляд, с предубеждением, оказало не лучшую услугу российскому читателю, и без того слабо представлявшему, кем были Эзра Паунд и его Ольга. И все же встреча Ольги Радж и Иосифа Бродского оказалась в каком-то смысле пророческой. Судьба распорядилась так, что могила Бродского находится в нескольких шагах от могил Ольги Радж и Эзры Паунда на кладбище Сан-Микеле в Венеции. Теперь все, кто приходят туда, посещают места упокоения и Бродского, и Паунда. И где, как не там, думается о высокой природе искусства, соединяющей и сохраняющей все, и как знать, через сколько лет наши потомки заметят больше сходства, чем различий в творчестве и судьбе этих двух отверженных и гонимых правительствами своих стран поэтов.

В рамках небольшой работы непросто пересказать биографию Ольги Радж (1895–1996), совпавшую по времени с целым веком, а по своим драматическим поворотам напоминающую голливудский фильм³. Как и многие прославившиеся в Европе 1920-х годов американцы (включая Э. Паунда, Т.С. Элиота, Ф.С. Фицджеральда и Э. Хемингуэя), Ольга родилась в американской глубинке. Благодаря энергии и настойчивости матери, Ольга получила европейское музыкальное образование, обучаясь по классу скрипки у признанных мастеров, и к моменту знакомства с Паундом

Афиша концерта Ольги Радж. Beinecke Rare book and manuscript library. Olga Rudge papers (YCAL MSS 54)

³ Обширным и надежным источником по биографии Ольги и истории ее отношений с Паундом может служить работа Conover, A. *Olga Rudge and Ezra Pound*. New Haven & London: Yale University Press, 2001. Взаимоотношениям Ольги, Эзры и их дочери Мэри посвящена книга воспоминаний Rachewiltz, M. de *Discretions: A Memoir by Ezra Pound's Daughter*. London: Faber & Faber, 1971.

была известна как исполнитель скрипичных партий классической и современной музыки.

Первая встреча Ольги и Эзры произошла осенью 1922 г. в парижском салоне Натали Барни. В тот вечер Ольга надела жакет с изображением китайских драконов. Это, конечно, не могло не привлечь внимание Паунда, чрезвычайно увлеченного китайской поэзией и культурой. Внешнее немаловажно. Особенно в Париже. Особенно в стилистически безупречные двадцатые. Высокий, крепко сложенный Эзра, с копной пышных волос и интонациями, не терпящими возражений, и коротко постриженная по моде того времени, хрупкая, но энергичная и острая на язык Ольга хорошо смотрелись вместе и привлекали к себе внимание парижской литературной и музыкальной богемы. Внутренний мир и опыт тоже сыграли роль. Ольга и Эзра были экспатриантами, прибывшими в Европу из американской провинции, оба помнили свое в чем-то похожее американское прошлое и надеялись на что-то общее в своем европейском будущем.

Ольга и Эзра быстро сошлись на увлечении музыкой. Паунд в то время дружил с композитором Джорджем Антейлом и сочинял музыку к собственной опере. Ольга стала включать в свои программы произведения Антейла и Паунда. Последнее дало повод Дороти Паунд саркастически заметить, что ее муж не мог не увлечься Ольгой, поскольку она была единственным профессиональным музыкантом, воспринявшим всерьез его музыкальные опыты. Но все же «не было любви без тайны»⁴, и понять тайну любви, как и по-настоящему понять тайну человеческой жизни, невозможно, по крайней мере, не прожив ее самому. А жизнь в этой женщине была ключом, — и когда она стояла со скрипкой, филигранно исполняя самые сложные партии перед полными залами европейских столиц и сильными мира сего, и когда поехала за Паундами в Италию, и когда впервые сказала Эзре, что хочет от него ребенка, и когда рожала среди не понимающих ни слова, кроме своего немецкого диалекта, тирольских сиделок, и когда отдала дочь в простую крестьянскую семью, чтобы продолжить концертную деятельность, и когда взяла ее оттуда, чтобы подарить ей скрипку (скрипка была разбита о стену свинарника) и научить всему, что знала сама, включая три европейских языка и поэзию на них, и когда искала и нашла сотни неизвестных нотных рукописей Вивальди, и когда помогала Эзре готовить его радиопередачи, и когда приносила передачи ему за

⁴ Паунд Э. Кантос. С. 445.

колючую проволоку, и когда вписывала в его тексты греческий, и когда была Цирцеей на холмах Рапалло, и была с ним, пока над морем полыхала гомеровская заря, βροδοῦάκτουλος, и мирно стучал оливковый пресс внизу, и когда в последний год большой войны впустила его и Дороти жить втроем в своей скромной обители на Casa 60 в Сант-Амброджо над Рапалло и сама ходила на рынок, и давала уроки, чтобы заработать на самые простые продукты, и готовила на всех троих нехитрый обед, и когда бежала по темной тропинке в горах разыскивать его в ставке партизан, и когда прожила «четыре самых счастливых дня» под арестом с Эзрой в штаб-квартире американских войск в Генуе, и когда писала ему долгих двенадцать лет, и когда потом приняла его больного и слабого, и ездила с ним по бесконечным клиникам и врачам, и, как опытная медсестра, отмечала в блокноте лекарства и время, когда Эзра их принимал, и когда принимала вместе с ним поэтов и профессоров в Венеции и Рапалло, и ездила с ним на похороны Т. С. Элиота и на могилу Джойса, и когда весь последний день держала его за руку, и когда, еще молодая и полная сил, строила «тайное гнездышко» на Calle Querini 252 в Венеции, словно увидев всю эту жизнь, вплоть до смерти поэта в этих стенах через полвека, и всю свою судьбу, навсегда связанную с Италией и Паундом, и свою не прекращающуюся ни на день работу, чтобы

воскресить во мне лучшее,
таким, каким оно было,
было во мне —

как напишет поэт в своих «Строках для Ольги». Для всего этого требовались силы, требовалась энергия, а подчас — настоящее мужество, столь удивительное в этой хрупкой женщине с чувствительной душой и чуткими руками музыканта.

«Мужество» — именно то, к чему постоянно возвращается в своих стихах и чем восхищается поэт в своей возлюбленной, — как будто в ней недоставало женских качеств. Но в ней, он, вероятно, видел себя таким, каким он хотел бы себя видеть. *Invicta*. Непобежденным. Любящим красоту и жалеющим все живое, и воскрешающим это в другом. Красота, мужество — добродетели древнего мира, которому Паунд остался верен до конца. Ведь если лаконичные «Строки для Ольги» — это лирические стихи, то это особая лирика, напоминающая скорее эпитафию античного героя или конфуцианскую притчу, чем обычное

признание в любви. Но в этих стихах есть и особая человечность. Есть искренность и ранимость. Есть то, что делает весь финал грандиозной поэмы (если эти стихи предназначались для поэмы) удивительно теплым и понятным каждому. Эпос заканчивается на пронзительной лирической ноте («и она не ставила новогоднюю елку...»). Представить только всех этих древних мореплавателей, богов и богинь, китайских императоров, американских президентов, всю эту вечную войну, PERENNE BELLUM, которая вдруг заканчивается на тихой и прозрачной, как воспоминания детства, ноте смирения, примирения со всем миром и всем человечеством – через примирение и любовь к одному его представителю. Наверное, любой эпос, если это возможно, должен заканчиваться на чем-то подобном. Ведь все дороги ведут к одному – они ведут к дому. После всех мытарств, испытаний и странствий Одиссей возвращается на Итаку. Одиссей возвращается в дом, а его дом – это его Пенелопа. Это она ждала его столько лет и готова ждать еще и делать все, что необходимо делать, чтобы вернуть его к себе – то есть вернуть его к жизни.

Эпос всего человечества заканчивается на частной истории человека. Но, наверное, и не может быть иначе, ведь цель и предназначение искусства – это человек и его *человечность*. Это может быть «большой» человек, как это бывает в эпосе, когда речь идет о племени, о народе, это может быть человечество, как это замыслил Паунд, но все, что поэт по-настоящему знает о мире, и все, что он может сказать о нем, – это не больше чем один, два, три или, скажем, четыре человека. К концу жизни, когда похороны и отпевания друзей становятся рутинной, вдруг понимаешь, что есть кто-то, кто знает и любит тебя так же, как ты его. Это похоже на твое отражение в зеркале жизни, и счастье, если ты сумел разглядеть его, а судьба оказалась настолько благосклонной, что эта встреча произошла. Мы любим то, что в нас есть, или то, чего мы хотим и можем достичь. Любовь Ольги и Эзры – это любовь людей, которые увидели друг в друге будущее. Не прошлое (как в родителях), не настоящее (как в детях и друзьях), но будущее, то общее будущее, когда каждое слово звучит так, как будто оно сказано навсегда, когда каждый день проходит так, как если бы в этом дне содержалась вся история человечества, когда каждая мысль о другом превращается во что-то большее – в музыку, в стихи, в мечты о том дне, когда добро победит, а человек станет тем, кто он есть – свободным и счастливым существом на мирной и обновленной земле.

Но остается еще день, еще один день и еще одна ночь. Остается вечная забота о другом, как порой единственный шанс для этого другого выжить и побыть под этим солнцем еще один день, месяц, год. Выжить, и сказать еще одно слово, несколько слов, написать еще несколько стихотворных строк и увидеть зелень кипарисов над морем, небо, скалы и птиц, и вишневое дерево на закате.

7:15 завтрак: апельсиновый сок, несколько ложек каши.

1:30 обед: белый рис, холодная курица, сыр грюйер, банановый крем с абрикосовым соусом.

4:00 чай: хлеб из непросеянной муки, арахисовое масло, печенье, чай.

8:00 ужин: паста в бульоне, яйцо всмятку, 3 вареных абрикоса.

Лекарства:

10 г миротона, 20 г симпатола, 1 дюколакс, люсидрил.

[Мой дурацкий идиотизм у Дадона сверх всякой меры. Если бы он (три года назад) дал мне большой стакан касторового масла и лимона со льдом, а затем настоящий кофе, всех этих счетов и катетеров можно было бы избежать. Б[ачигалупо] уверен, что надо заменить протекающую внутреннюю трубку. Он клянется, что может снова сделать человека нормальным.]⁵

Эзра Паунд умер 1 ноября 1972 г., на следующий день после своего 87-летия. За годы, проведенные в одиночестве после смерти Эзры, Ольга увидела многое, чего ее возлюбленный, ее *caro*, не успел дождаться. И многому из этого она помогла сбыться сама. Она увидела, как выходят биографии и фильмы о нем, появляются новые издания и переводы его книг, как собираются общества его имени и научные кон-

Дом Ольги Радж в Венеции

⁵ Отрывок из записной книжки Ольги Радж с комментариями Э. Паунда на полях [Conover, A. *Olga Rudge and Ezra Pound*: 228. Перевод мой. – А.Б.]

ференции, как появляются новые люди, которым интересна его поэзия, и таких людей становится все больше.

Ольга Радж прожила долгую жизнь. Со временем она стала достопримечательностью Венеции, ее гордостью, «национальным достоянием» – как сказал, вручая ей награду, президент Музыкальной академии Сиены, под эгидой которой она проводила свои концерты и занималась поиском и восстановлением рукописей Вивальди. Она дожила до ста одного года и умерла в тирольском замке Мэри и ее семьи, тихо уснув в своем кресле. Какой был ее последний сон? Гора Чокоруа? Соната Моцарта в тесном парижском зале? Или – громкое «мяу!» у дверей «тайного гнездышка», когда Эзра и маленькая Мэри возвращались с прогулки, а в ответ ее – «мяу!» – спускаюсь, не теребите звонок, иду, открываю вам! На Calle Querini 252, там, где теперь висит мемориальная доска *титану поэзии*, все та же старая дверь, которая помнит всех, кто входил в нее. И тихо плещет вода в венецианском канале, и неслышно скользит мимо гондола, а на табличке дверного звонка темнеют все те же крупные буквы: OLGA RUDGE.

ЛИТЕРАТУРА

Паунд Э. Кантос / Пер., вступ. ст. и коммент. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018.

REFERENCES

Bush, R. “‘Unstill, Ever Turning’: The Composition of Ezra Pound’s ‘Drafts & Fragments’.” *Ezra Pound and Europe*, eds. R. Taylor, C. Melchior. Amsterdam: Rodopi, 1993: 223–241.

Conover, A. *Olga Rudge and Ezra Pound*. New Haven & London: Yale University Press, 2001.

Pound, E. *Kantos* [*The Cantos*], transl., introd., comm. A. V. Bronnikov. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2018. (In Russ.)

Pound, E. *Posthumous Cantos*. Manchester: Carcanet, 2015.

Rachewiltz, M. de. *Discretions: A Memoir by Ezra Pound’s Daughter*. London: Faber & Faber, 1971.

Stoicheff, P. *The Hall of Mirrors: ‘Drafts and Fragments’ and the End of Ezra Pound’s Cantos*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1995.

Эзра Паунд
Строки для Ольги
(1962–1972)

1

Domenica

– и кузнечик еще не был мертв на своем стебельке
– и ее огонь продлевал его жизнь,
 как это было раньше со стрекозой
invicta.

– и она никогда не оставит свою надежду
– и в этом есть воля к жизни,
несмотря на измены

sero sero

– и она не верила в вероломство
Розарио говорит, что честный
 не должен верить негодяю, *mascalzone*
он, *onesto*

 ни в ком не видел зла,
пока оно не привело его в изумление

2

гондолы умирают посреди
 вонючих стоков
вот и кузнечик умер на своем стебельке

и она, Ольга, с хладнокровным
 мужеством
переносит все это
находя красоту
 там, где
 самый последний след
 ее остается,
находя ее в самых малых предметах
 и в самом большом
 в Сан Марко
 на этой площади
 ночью.

ее мужество в том, что она строит все на песке

3

но тогда зачем
все это сейчас?
Ольге всегда хотелось
воскресить во мне лучшее,
таким, каким оно было,
было во мне

эти знаки собираются вместе
и они собирают
и копят зло
против нас
эти мелкие скопления символов

настоящие стихи это ее стихи
Это она писала об Эвридике

она видела красоту и указывала на нее
когда я был рассеян

она показывала на закат и на вишневое дерево

там, где была красота, она ее видела

и она несла крест
а я предал на поругание

4

огонь и пища
через все эти годы
 через все эти ночи и тропинки на высоких холмах
великое мужество в хрупкой оправе
закалилось за сорок лет
за все эти годы во тьме
 на горных тропинках
там, где знаком каждый камень
почти что по имени

в мерцании ее глаз

П П

Ода, –
 как любовь давних дней

Но против растущего зла
она несла в себе чувство добра
Свой ясный свет
и смотрела Дуче прямо в глаза

5

Имена Ольги – мужество
и деликатность чувств
и еще ее зовут верность
и чуткость пальцев
за утонченность ее ощущений,
за остроту ее памяти, в которой
осталась вся красота увиденного

За ее силуэт со скрипкой
за тот пляж у Санта-Маргерита
за тот год, когда она ездила с Линди

И за ту прогулку вдоль Сены
перед ужином в Виль-д'Авре
За ее восприятие человека

Ezra

Festa di San Pantaleo

И там не было ничего, и никакого арбуза
на вершине горы Чокоруа,
а она пыталась продать сторожу
свою книжку раскрасок со сказками Андерсена,
с красной блестящей обложкой
– и она уходила со школьного пикника
на похороны
– и она не ставила новогоднюю елку
– и была прекрасна на пляже в Санта-Маргерита
– и водяная мельница была прямо у нашего столика в Виль-д'Авре
– и она прекрасной была, словно *Мусме*
– и она влезала на борт корабля по веревочной лестнице

– и ее имя – мужество
– и она жалела каждое живое существо
– и поддерживала меня в живых десять лет
за что никто ее не поблагодарит
ее красное сердечко во флакончике тех духов
(*День благодарения*)

Примечания

Перевод выполнен Андреем Бронниковым по изданию Pound, E. *Posthumous Cantos*. Manchester: Carcanet, 2015: 175–180. Стихи Эзры Паунда, переводы которых публикуются здесь, находятся в архиве Ольги Радж. Впервые они были изданы в сборнике *Canti postumi* в 2002 г. под редакцией итальянского поэта и исследователя Массимо Бачигалупо, а позже переизданы в издательстве “Carcanet” в сборнике *Posthumous Cantos*. Автор перевода и редакция журнала выражают искреннюю признательность издательству “Carcanet” и лично Майклу Шмидту (Michael Schmidt) за любезное предоставление прав на публикацию первого русского перевода этих стихов. Порядок стихов оставлен как в оригинале, нумерация добавлена для удобства ссылок.

1

В архиве Ольги Радж помечено: «написано карандашом в Сант-Амброджо».

Domenica (итал.) – воскресенье.

кузнечик... со стрекозой – вероятно, это Паунд и его дочь Мэри. Для Паунда нередко сравнение себя и своих близких с животными и насекомыми, обычно теми, которые встречаются в детских сказках. Ср. с другим поздним фрагментом: «Две мыши и мотылек меня провожали...» [*Паунд Э. Кантос. С. 801*], где говорится, очевидно, о Дороти, Ольге и Мэри.

invicta (лат.) – непобежденный.

sero (итал.) – поздно (цитата из «Исповеди» Августина). В песне XXV:

Sero, sero... Ах, поздно... поздно,
Мы ничего не сделали, не завершили мы
Ни дома, ни резьбы по камню...
(*Паунд Э. Кантос. С. 113*)

Розарио – художник в Рапалло, знакомый Паунда.

Текст про *честного* и *негодяя*, – возможно, аллюзия на Муссолини и Черчилля.

mascalzone (итал.) – негодяй.

onesto (итал.) – честный.

2

Фрагмент сохранился в архиве Ольги Радж с пометкой «26 ноября 1964 г., США». Упоминается площадь Сан Марко в Венеции. О *кузнечике* см. примечания к 1.

3

Написано карандашом, дата не указана.

скопления символов – (англ. *clusters of symbols*) возможно, аллюзия на строки Паунда с большим количеством иероглифов и пиктограмм.

предал на поругание – ср.: «За то Я предстоятелей святилища лишил священства и Иакова предал на заклятие и Израиля на поругание» [Ис 43:28]. При отсутствии широкого литературного и общественного признания последние годы Паунда были омрачены мучительной саморефлексией.

4

тропинки на высоких холмах – деревню Сант-Амброджо, где находился дом Ольги Радж, и Рапалло связывали горные тропинки, *salita*, по которым приходилось спускаться и подниматься каждый раз когда были дела в городе. Начиная с 20-х и по 60-е годы, Ольга Радж и Эзра Паунд проделали этот путь много раз.

Пиктограмма иллюстрирует идиому английского языка “to see with level eyes” (смотреть невозмутимо, твердо, прямо).

Ода – вероятно, текст Конфуция.

Дуче – в феврале 1927 г. Ольга Радж играла для Муссолини на приеме в его частной резиденции. В последовавшей за этим беседе с дуче Ольга затронула тему возвращения музыки Вивальди в современный репертуар. Это событие вдохновило Паунда на личную встречу с итальянским диктатором.

5

Фрагмент датирован 1965 годом. Эзра и Ольга прогуливались по набережным Сены и в парижском пригороде Виль-д'Авре в самом начале своего знакомства в 1922–1923 гг.

Санта-Маргерита – курортный городок возле Рапалло в итальянской провинции Лигурия.

Линди – Линди Шоу-Пэйдж, аристократка и меценат, спутница Ольги Радж в путешествиях по Италии (вероятно, упоминается 1928 г., в котором состоялся большой концерт Ольги Радж в Вене и путешествие с Линди Шоу-Пэйдж на Капри).

Festa di San Pantaleo (итал.) – праздник Сан Панталео; ежегодный летний праздник в одноименной церкви неподалеку от дома Ольги Радж в Сант-Амброджо.

Рукопись в архиве Ольги Радж. Начальные строки рассказывают о ее детских воспоминаниях. Первая строка исправлена в рукописи рукой Ольги как “And there was nothing but water melon” («И не было ничего, кроме арбуза»).

Чокоруа – небольшая гора в штате Нью-Гэмпшир, США. Ольга Радж рассказывала Паунду о своих детских впечатлениях, связанных с этим местом. Название горы упоминается в «Пизанских песнях» Эзры Паунда, где эта гора, наряду со священной горой Тайшань, становится символом высшей реальности, поддерживающей поэта в самые трудные дни и часы его жизни.

– *и* – стилизованный перевод амперсанда &, с которого начинаются десять строк этого стихотворения (и пять строк первого стихотворения в этой подборке).

Мусме – название картины Ван Гога (1888 г.), изображающей прекрасную японскую девушку. В день знакомства с Паундом на Ольге Радж был жакет с китайскими мотивами.

красное сердечко – сувенирный флакончик с духами, которые Ольга Радж привезла Паунду из Рапалло в клинику Св. Елизаветы во время своего визита в 1952 г.